

АВТОР
БЕСТСЕЛЛЕРОВ
«ЛЕДОКОЛ» И
«АКВАРИУМ»

ВИКТОР СУВОРОВ

ЗМЕЕЕЕД

1936 ГОД. НАЧАЛО «БОЛЬШОЙ ЧИСТКИ».
ОН ДЕЛАЕТ КАРЬЕРУ В ОРГАНАХ.
КАКУЮ ЦЕНУ ОН ГОТОВ ЗАПЛАТИТЬ
ЗА НЕОГРАНИЧЕННУЮ ВЛАСТЬ
И ВОЗМОЖНОСТЬ РАСПОРЯЖАТЬСЯ
СУДЬБАМИ ДРУГИХ ЛЮДЕЙ?

Приквел остро-
сюжетных романов
«Контроль» и «Выбор»

★★★★★

Новая повесть от автора
супербестселлеров
«Аквариум» и
«Ледокол»

Виктор Суворов

Змеед

Серия «Жар-птица», книга 1

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7728801
Змеед / Виктор Суворов: Добрая книга; Москва; 2013
ISBN 978-5-98124-567-1

Аннотация

Действие новой остросюжетной повести Виктора Суворова «Змеед», приквела романов «Контроль» и «Выбор», разворачивается в 1936 году в обстановке непрекращающейся борьбы за власть, интриг и заговоров внутри руководства СССР. Повесть рассказывает о самом начале процесса укрощения Сталиным карательной машины Советского Союза; читатель узнает о том, при каких обстоятельствах судьба свела друг с другом главных героев романов «Контроль» и «Выбор» и какую цену пришлось заплатить каждому из них за неограниченную власть и возможность распоряжаться судьбами других людей.

«Змеед» – уникальная историческая реконструкция событий 1936 года, в том числе событий малоизвестных, а прототипами ее главных героев – Александра Холованова, Ширманова, Сей Сеича и других – стали реальные исторические личности, работавшие рука об руку со Сталиным. В центре повествования – карьера главного героя по кличке Змеед в органах

НКВД от простого наблюдателя, агента наружной слежки и палача, исполнителя смертных приговоров, работающего с особо важными «клиентами», до уполномоченного по особо важным делам и заместителя одного из приближенных Сталина.

Содержание

Пролог	7
Глава 1	11
Глава 2	25
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Виктор Суворов

Змеед

© Виктор Суворов, 2011.

© ООО «Издательство «Добрая книга», 2011 – издание на русском языке, оформление.

* * *

Перед началом Великой чистки в высшем руководстве НКВД был 41 комиссар Государственной безопасности.

Звание Генерального комиссара ГБ равнялось званию Маршала Советского Союза. Это звание тогда носил только один человек. Он был арестован и расстрелян.

Из семи комиссаров ГБ 1-го ранга были арестованы и расстреляны семеро.

Из 13 комиссаров ГБ 2-го ранга – арестованы и расстреляны 11, один отравлен в кабинете нового заместителя главы НКВД, который, в свою очередь, через год был арестован и расстрелян уже во второй волне очищения.

Из 20 комиссаров ГБ 3-го ранга трое покончили жизнь самоубийством, 15 арестованы и расстреляны, один бежал в Маньчжурию, где позднее был убит японцами.

Из 41 комиссара Государственной безопасности, которые накануне Великой чистки руководили тайной полицией

Советского Союза, 1937 и 1938 годы пережили двое. После смерти Сталина один из них был арестован и расстрелян, второй арестован, во время следствия сошел с ума и умер в психиатрической клинике тюремного типа.

Пролог

– Выходит, что за всю свою жизнь ты не убил ни одного человека?

– Так оно и выходит: ни одного.

– Вообще ни одного?

– Да все как-то не выпадало.

– Никогда-никогда?

Совсем парень смутился:

– Никогда...

– Ну, ты даешь! Тебе скоро двадцать один, а ты...

– Так жизнь складывалась, что...

– А ты вспомни. Может, в юности... Ну хоть одного... или, быть может, в детстве?

– Не убивал.

– Зачем же тебя к нам прислали?

– Не знаю. Подписан приказ к вам явиться, вот и явился.

Начальству виднее.

– Кем же ты раньше был?

– Разведчиком-наблюдателем по восьмой платформе Северного вокзала¹.

Переглянулись исполнители, присвистнули: вот это карье-

¹ С 1922 по 1955 год Северным назывался Ярославский вокзал.

ра!

– Ты, паренек, видно, с начальством дружишь: из разведчика-наблюдателя да прямо в подручного исполнителя в Лефортове! Такого взлета до тебя никто не делал. Такой приказ мог подписать только сам Народный комиссар товарищ Ягода.

– Вот он самый и подписал.

– Кто же тебя по служебной лестнице с такой скоростью тянет?

– Не знаю, кто тянет. Честное комсомольское, не знаю. Нет у меня блата. Безродный я. Из беспризорных. Знаете в Болшеве колонию НКВД для босяков? Имени товарища Дзержинского. Так я оттуда. Перековали, перевоспитали, – и в разведку. Два года на десятой платформе наблюдателем работал, потом повысили, на восьмую перебросили. Год я там отмотал, обещали на седьмую платформу перевести за ударный труд, а тут вдруг – бац: приказ – подручным исполнителя...

– Тут что-то не так. Так не бывает. Чтобы до таких высот дойти, люди всю жизнь трубят. И очередь в нашу группу длиннее Беломорско-Балтийского канала. К нам заслуженные люди просятся – не берем... К нам исполнители из республиканских наркоматов рвутся, мастера с многолетним стажем...

– А меня сразу к вам...

– Да может мы тебя в свой коллектив не возьмем, негра-

мотного! На кой ты нам?

– Так прикажете и доложить в секретариат товарища Ягоды? Приказ им лично подписан.

– Приказ – дело серьезное. Да только у нас коллектив сплоченный. Не вступишь – выживем. И товарищ Ягода не поможет. Сам от нас попросишься. У нас работа серьезная. Мы последнюю точку в каждом деле ставим. Тут соображать надо. Давай-ка мы тебя на сообразительность проверим. Готов?

– Готов.

– Смотри, перед исполнением надо совершенно точно удостовериться, что это именно тот, кто тебе нужен. Для этого клиента к нам сюда заводят. Вот прямо в этот кабинет. Клиент не знает, что его прямо сейчас – того. Обстановочка у нас, как видишь, располагающая, даже занавесочка на окне. Я за столом сижу. Дело передо мной. Листаю странички. Мы тут вежливость блюдем. Ему сесть предлагаю. И вопросы – про имя-отчество и год рождения... А на столе у меня по правую руку – пачка «Казбека» и спички. Что бы ты по левую руку положил?

В потолок парень взгляд метнул. Но на потолке ответа не оказалось. Посмотрел в окно. Но и там ничего интересного не обнаружил. Пришлось соображать самому. И он сообразил:

– Кулек мятных пряников.

Переглянулись исполнители. Согласились молча: верно

парнишка мислит.

Глава 1

1

– Меня Иолантой зовут.

– А меня... – он на мгновение задумался. – А меня – Ивановом Ивановичем.

– Вот и познакомились, Иван Иванович.

– Сколько же тебе, Иоланта, годиков?

– Уже восемнадцать, – глазом не сморгнув, – привычно соврала Иоланта.

– И... сколько это стоит?

– Три рубля.

– Сдурела?

– Найдите дешевле.

– Давай за два.

Смерила Иоланта оценивающим прищуром глубину бездонного неба и согласилась:

– Пусть будет два, только денежки вперед.

Так быстро она согласилась, что он даже пожалел: можно было бы рубль предлагать, а то и полтинник. Но было уже предложено и уже принято.

– Ладно. А где?

– У меня место есть.

– Что за место?

– Через площадь привокзальную, через трамвайные линии, за угол, там, в переулке, – трактир, за трактиром – конюшня, на чердаке – сеновал. Никого там нет, на сеновале.

– Хорошо. Только я заплачу, когда придем. Чтоб не удрала с денежками.

– Ах, мы такие недоверчивые... Идите за мной, только по той стороне улицы. И на меня все время не смотрите. Вроде гуляете. Вроде меня не знаете и не замечаете.

2

– Итак, все с самого начала.

– Товарищ Генеральный комиссар Государственной безопасности, все было как всегда. Но на этот раз лопнуло колесо...

– Надо было сменить.

– Запасное оказалось с проколом.

– Надо было звонить.

– Звонил, никто не отвечал, снова...

– Короче, на сколько вы опоздали?

– На два часа девять минут.

– Дальше.

– Прибыл на Северный вокзал с опозданием. Обыскал все. Его не было.

- В милицию обращались?
- Конечно, нет.
- Правильно. Так где же он?
- Не знаю, как сквозь землю.
- «Владивосток – Москва» прибыл на первую платформу?
- Как всегда, на первую.
- Выяснили, кто работал на первой?
- Должен был Звонарев, агентурный псевдоним – Брыль.

Но он на переподготовке. Вместо него работал Змееед с восьмой платформы.

3

- Здравствуйте, Змееед.
- Здравия желаю, товарищ Народный ко...
- Дома я просто Генрих Григорьевич.
- Здравствуйте, товарищ Генрих Григорьевич.

Подал Генрих Григорьевич руку. Пожал Змееед нежную белую ладонь Народного комиссара внутренних дел.

- Садитесь.

Садится Змееед, а сам замечает: народный комиссар под столом эдак незаметно руку платочком вытер, да платочек батистовый с буквами вышитыми – в мусорную корзину. Опять же – незаметно. Но Змееед не зря три года разведчиком-наблюдателем на Северном вокзале оттрубил. Змееед все видит. Только виду не подает. Так приучен.

У больших начальников, известное дело, к своим рукам почтение. Предшественник товарища Ягоды, товарищ Менжинский, ту же манеру имел, – в Болшево, в колонию беспризорную приезжал, всей шпане ручки жал. А потом, бывало, зайдет за уголок, чтоб незаметно, а там из особой канистры ему на руки спирт льют. Беспризорные ему однажды сказали, что лучше бы он им руки не жал и свои ладони спиртом не отмывал, а сразу бы им канистру отдал, так они б его за то пуще бы полюбили...

– Итак, дорогой Змеед, у вас теперь новая работа.

Подумал Змеед, что бы такое ответить, но ничего умного не придумал. Вместо ответа головой мотнул.

– Нравится?

– Еще бы!

– Это я вас на такую высоту поднял.

– Спасибо, Генрих Григорьевич.

– Приказ пока предварительный, но если будете хорошо работать, подпишу приказ окончательно.

– Постараюсь.

– Теперь – к делу. Прежде всего, подпишите вот эту бумагу. Это расписка о неразглашении. Вы, Змеед, никогда на моей даче не бывали, никогда меня не встречали, никогда со мной не говорили.

– Понял.

– Если понял, распишись. И выйдем в сад. Тут душно.

4

- Люська!
- Да.
- Люська, ты кого, стерва, привела?
- Бобра.
- Так он же чекист.
- А мне почему знать?

5

– Вот, товарищ Змеед, десять фотографий. Вы кого-нибудь из этих людей видели вчера на первой платформе Северного вокзала?

– Видел вот этого. Курьерский «Владивосток – Москва», прибыл в пятнадцать часов десять минут. Он вышел из шестого вагона.

– Постойте... В поезде двенадцать вагонов. В Москве выходят все пассажиры. И встречающих – толпа. Смена ваша – восемь часов. За смену вон сколько поездов приходит и уходит. И вы одного разглядели? Одного запомнили? Он чем-то привлек внимание?

– Нет, этот неприметным был. Но я всех разглядываю. Работа такая.

– Продолжайте.

– Этот был в сером костюме, в шляпе, с портфелем. Ду-
маю, чекист. Средней руки начальник.

– Нет, нет. Он не чекист. А почему вы так решили?

– Просто повидал их на веку. Предположил...

– Вы ошиблись.

– Минут через пятнадцать, когда толпа схлынула, он снова
на платформе появился. Явно кого-то искал.

– А потом?

– Потом ушел.

– Этот человек исчез. Как вы думаете, куда он мог про-
пасть?

– Вариант самый верный: жиганцы выставили шлендру гу-
лящую и взяли бобра на прихват.

Сморщился народный комиссар:

– Вы по-русски можете?

– Простите, Генрих Григорьевич. Ехал человек почти две
недели в поезде, а до того, может быть, пароходом шел на
материк четыре, а то и пять дней, истомился, и тут – Москва,
вышел на перрон, никто не встречает, походил, подождал,
еще походил, а на площади трех вокзалов фартовые девочки
промышляют...

– И что потом?

– Потом заведет такая лярва в укромный уголок, предло-
жит выпить для начала. Сама, лахудра позорная, понятно,
первая пьет, потом ему наливает. В этот момент ловкость

рук все решает. Он глотнет – и с копыт. Тут партнеры проявляются, склячивают клифт, лопатник, бранзулетки...

– А с ним что?

– А его под мост или в кусты на кладбище бросят. Отойдет он, голенький, через сутки – в голове шум, ничего не помнит. Вот только если он чекист, тогда хуже ему будет.

– Почему хуже?

– Потому что жиганцы залезут в лопатник, сообразят, на кого нарвались. Чекист так дело не оставит, всю жизнь потом их искать будет. Так чтоб не искал...

– Вот что, Змеед, этого человека надо найти. Может быть, он еще жив. Это очень важно. Я вам обеспечил небывалое повышение, еще и квартиру дам, будущее устрою, на вашей новой работе – самая высокая зарплата и много свободного времени. Все свободное время – на поиски. Докладывать только мне. Как думаете искать?

– Тут, товарищ Генеральный комиссар Государственной безопасности, не мне вам подсказывать: надо оповестить райотделы НКВД Москвы и Подмосковья, обшарить все чердаки и подвалы, все пустыри, развалины, сады, парки, разослать фотографию: пропал человек...

– Нет, нет, только не это...

– Тогда путь один: искать завлекалку. Всех шар, которые регулярно на трех вокзалах промышляют, я знаю. Туземная лярва на такое не пойдет. Да ее и не поставят. На такое дело только залетная годится.

– И вы вчера на вокзале... заметили новенькую, залетную?

– Приметил.

– Что вам нужно для поиска?

– Дайте мне картотеку на всех малолетних марух и вороваяк Союза. Желательно по районам – от Москвы до самых до окраин. Кроме того, в каждой московской школе, в каждом классе в конце учебного года групповые фотографии делают... Нужно собрать все фотографии со всех школ, детских домов, колоний для несовершеннолетних за последние два-три года... Уж больно нездоровая мелькнула.

– Собирать фотографии не надо. У нас в НКВД они все собраны. Я отведу вам помещение. Но если... Если она... не московская?

– Тогда буду искать ярославских, тульских, тверских...

– На завтра у вас много работы в Лефортове?

– Нет, у меня два свободных дня, а потом у нас на исполнении один только Зиновьевец с процесса.

– Поступим так. В саду за яблонями и за сиренью – небольшой домик. Там никого нет. Вам подготовят место для работы, постель, обеспечат питанием. Повару заказывайте все, что только пожелаете. Мой секретарь Павел Петрович доставит каталоги малолетних преступниц. Потом подвезет фотографии со всех школ Москвы. Приступайте к работе прямо сейчас.

Дача, скорее поместье Народного комиссара внутренних дел СССР Генерального комиссара Государственной безопасности Ягоды Генриха Григорьевича – в поселке Коммунарка. Тут же – расстрельный полигон, который по размаху деятельности ничуть не уступает полигонам в Барыше, Бутово, Струмилино и даже в Куропатах.

Хорошо то, что от Москвы совсем близко. Врагов центральных по московским тюрьмам стреляют. Но это, так сказать, штучное производство. В редкие ночи – по несколько десятков. А если три-четыре сотни сразу, так это сюда, вон за те глухие ворота.

Еще и то хорошо, что не надо сил много тратить на охрану многих объектов. В Коммунарке все в одном букете – и дачи руководства, и дом отдыха чекистов, и учебный центр с небольшим стрельбищем, и, ясное дело, – спецучасток за высоким серым забором.

Красота неописуемая. И тишина, когда расстрелов нет. Но и расстрелы особо тишины не расстраивают. Сосны вековые и зеленые елки надежно стрельбу глушат.

Сад у Народного комиссара огромный: яблони, вишни, крыжовник, смородина красная и черная, ежевика. А дальше в глубину – море сирени и черемухи. И там, в зарослях, – домик бревенчатый. Павел Петрович Буланов, секретарь На-

родного комиссара, завалил этот домик фотографиями. Звание у товарища Буланова – старший майор Государственной безопасности. В петлицах у него по два ромба, как у армейского комдива. У буржуев его бы генерал-лейтенантом величали. А в рабоче-крестьянском государстве генералов нет и быть не может. Генерал – пережиток проклятого прошлого.

Приветлив Павел Петрович. Все выспрашивает, не помочь ли чем. А чем Змееду поможешь? Он один смазливое личико в толпе приметил и тогда еще сообразил, что девочка не из приезжающих и не из уезжающих, не из встречающих и не из провожающих. Кто еще на вокзалах и вокруг вертится? Только тот, кто тут работает. И тот, кто чем-то промышляет.

Всех, кто на Северном вокзале работает, Змеед знает. Она – не из тех. Следовательно...

7

Весь пол папками фотографий запружен. Все столы и полки. Работает Змеед. Только иногда его от работы повар отвлекает. Персональному повару наркома в этот домик вход заказан. О работе Змееда знают только товарищ Ягода и товарищ Буланов. Повару положено три раза в день в дверь осторожно стукнуть: чего изволите?

Змеед изволил водочки клюквенной и вареников с вишнями да со сметаной. Водочки – чтоб немного совсем. Для аппетита. А вареников – до отвала. Ну, а что на завтрак? И

на завтрак вареников. И на обед. Так и далее держать.

Повар в саду под деревьями стол синей скатертью стелет. В тени. Тут бы самое время напиться досыта и завалиться под вишнями. Но нет на то времени. Ночь, день и еще ночь и день. Три часа сна, потом и еще два, и еще три.

– Вот эта.

– Уверены?

– Очень похожа.

8

На Красной Пресне, прямо возле тюрьмы, – высоченные заборы. Над заборами еще и проволока колючая. Въезд – через стальные ворота с красными звездами, вход – через проходную с суровыми вооруженными вахтерами. Это – Военно-пересыльный пункт, ВПП.

За заборами – здания типа бараков. Только бараки те – кирпичные, крепко сложенные еще Государем Николаем Александровичем. Окна – почти под потолками. По метру высотой, по два с половиной шириной. Чем-то на орудийные амбразуры похожие. Входишь – зал с кафельным полом. У входа – дневальный. Кого ни попадя сюда не пустят. Вправо и влево от главного зала – спальни. Койки – солдатские, железные. В два яруса. 160 мест в правой спальне. 160 в левой. Это общежитие холостяков Первой боевой группы Пятого отдела Главного управления Государственной безопасности

(ГУГБ) НКВД СССР. Тут живет Змееед. У него – свободный выход за ворота: захотел – вышел, захотел – вошел. Хоть в полночь, хоть к рассвету. У Змеееда – собственное спальное место и тумбочка, в железном шкафу – собственная секция с висячим замком.

В шкафу – шинель со споротыми петлицами, пара яловых сапог, сапоги резиновые, полуботинки фабрики «Скороход», брезентовый плащ, полушубок, шапка-кубанка, валенки с резиновыми галошами, три рубахи, штаны запасные, револьвер с патронами и кастет.

Кастет свинцовый Змееед сам себе смастерил. Собрал пуль в тире, выплавил свинец, форму вылепил и отлил. Кастет в кармане неудобно носить – оттягивает. Потому Змееед заказал сапожнику кожаную сумочку на ремень. На дежурство он с револьвером ходит, а кастет – с собой, так, на всякий случай. Федя Сверчок, который все знает, давно разъяснил Змеееду, что «кастет» – слово французское, *casser* – «разбивать», *tête* – «голова». *Casse-tête* – головоломка. Но русские термин заморский слишком прямолинейно истолковали.

Сидит Змееед на кровати, на синем суконном одеяле с черными полосочками, соображает. Все вроде хорошо.

И что-то не хорошо. Новая работа подручного исполнителя интересна, увлекательна, почетна, денежна. В дни исполнения стограммовая доза предусмотрена, но дают сколько хочешь, на нормы не глядя. И кормят кашей гречневой

с маслом, с котлетами. Худо ли? Но почему-то не нравится Змееду история с пропавшим на Северном вокзале пассажиром.

В дальнем углу Федя Сверчок книжку читает. Федя всегда читает. Не отрываясь. Подсел к нему Змеед:

– Слушай, очкастый, а как при царе Иване следствие вели?

– Два варианта: со следами и без.

– И как – со следами?

– Самый простой способ – веревками перетирали руки, ноги, живот или еще какие нежные места.

– А без следов?

– Способов уйма. Кладут на спину, руки-ноги растягивают и вяжут, на брюхо и на грудь – блюдо железное, на блюдо – гирию пудовую, одну, другую, если мало – третью...

– Какое злодейство самое страшное?

– Ясное дело: умысел на царя. Крикнет холоп Ивашка «Слово и дело!» – и закрутилась карусель.

– Что значит «слово и дело»?

– Это формула такая. Крикнул на площади, крикнул в трактире, и никто тебя после того тронуть не смеет. Наоборот, каждый тебя охранять должен. Клич этот означал, что ты что-то знаешь про заговор. Тебя каждый обязан был проводить прямо к царю. А кто против тебя пойдет – того огнем жечь будут: зачем правде путь пресекаешь, зачем ей перечишь?

– А если я в шутку «слово и дело» крикнул? Если крикнул, да ни черта не знаю?

– Тогда тебя на скотобойне под ребро на крюк подвешат. Чтоб не шутил. Или посадят в котел с водой, разведут под котлом большой огонь и сварят. А выпрыгнуть не позволят. На то дюжие мужики с молотками приставлены. Еще могут за ноги подвесить на двух веревках, так, чтоб ноги в разные стороны растянуты были. И пилой по промежности надвое распилят. Вдоль хребта к голове.

– Понятно, – сказал Змеед и вздохнул почему-то глубоко и протяжно.

Пошел в свой угол, достал лист серой бумаги, конверт, чернильницу и ручку со стальным скрипучим пером. Сначала написал на конверте: «Красная Пресня. ВПП. Спросить Змееда».

Долго молчал, невидящим взглядом уставившись в чистый лист. Потом решительно вывел большими буквами: «Слово и дело».

Глава 2

1

Конец лета. И уж вроде осенью пахнуло. И скоро в школу. В десятый класс. И не хочется. Девочка московская, та самая, которую Змеед по фотографии опознал, с друзьями всеми почему-то перессорилась. И все по пустякам. Назло всем взяла да и махнула на недельку к деду своему на Украину. В Конотоп. Маленький такой городишко. Древний. Обрадовался дед. Вот, вспомнили старого. А то никто не помнит, даже НКВД.

Просидела девочка все утро в дедовом доме. Просидела весь полдень. И уж вечерет. К вечеру неважко ей дома сидеть. А через улицу – стена кирпичная. За стеной парк старинный. В парке – танцы. Музыка там чарующая, слушай – заслушивайся...

И вдруг грянула мелодия божественная – «Волны амурские». Удивительно: у нас Амур – река, великая, могучая, свирепая, своенравная, коварная, а у французов Амур – это любовь. Может, связано это как-то. Любовь ведь тоже дело великое, дело могучее, свирепое и коварное. Опять же совпадение: у них амурные истории – это вымысел, но такой,

что слез в глазах не удержишь. У нас «Амурские волны» – такая мелодия, что надо часто моргать, чтобы слезы по щекам не катились.

Одним словом, поплыла мелодия над старинным парком, и не удержать больше девочку в дедовом доме. Цепями вяжите – упорхнет вместе с цепями.

А дед и скажи: шустрая, мол, какая. У нас тебе – не столица. У нас тут – Конотоп. Шпана то бишь. А девочку уж крылья в парк несут. Не повязать ее ни уговорами, ни замками, ни решетками.

Идти далеко. Весь парк стеной кирпичной опоясан.

Вход – прямо с противоположной стороны. Если бы через стену кирпичную – было бы рядом. А так в обход: вдоль высоченной стены до угла, за угол и вновь вдоль стены, и снова повернуть – вот только там вход с огнями и откроется.

Хорошо, что лето сухое. Потому по улице пыль смерчем метет. А если дождь, то по этим улицам не проедешь. Конотоп – это место, где кони в грязи топнут. Благо до сезона непролазного еще месяц целый.

Вечером хорошо. Вечером светло. И кольнуло: а возвращаться при фонарях. А где они, фонари? Во-о-он один на горизонте. А включают ли его в темноте конотопские товарищи или режим экономии блюдут?

Обогнула один угол. Обогнула другой. Пришла. Над воротами буквы в человеческий рост: «Жить стало лучше. Жить стало веселее. И. Сталин». Билетик купила. Прошла ворота

и себя прокляла: парк дикий, словно лес тропический. Аллея в танцевальную площадку упирается. Вдоль аллеи фонари. И на площадке фонари же. Но весь парк во мраке. И морды.

Вы знаете, какие морды в конотопском парке?

Нет, вы не знаете, какие морды в конотопском парке.

Если бы современные режиссеры попали в то время да в тот парк, да сняли бы фильм про блатных и приблатненных, то в момент бы «Оскара» заработали за сюрреализм.

И девки в конотопском парке тоже сюрреалистичные. Вульгарно измазанные. Девки тех же мастей: блатные и приблатненные. Расписные девки. В наколках.

Милиционер в конотопском парке для порядка выставлен: взгляд мутный, к нижней губе сигарка прилипла, на правой руке якорь сизый, на левой кривыми буквами – «ВАСЯ».

Обратили на девочку внимание. Из-под кепочек, на глаза напыленных, – взгляды насилующие. А один взгляд ей совсем не понравился. Взгляд тот ее не только насилывал, но и убивал.

– Аспид, ты посмотри какая краля!

– Нет, Ящер, не в моем вкусе. Мала. Годика через два.

– Заелся ты, Аспид. Бычий хвост за мясо не чтишь. А я займусь. Мне такая в самый раз. И ребятам моим. Да и милиции не грех попользоваться. А два годика ей не прожить. Попользуемся и заметем.

– Ходють тут всякие, а нам потом сто пятьдесят третью

статью шьют.

– И сто тридцать шестую.

Откуда девочке знать содержание статей УК-26? Но поняла: отошла юность. Откатилась. Отсеклась. Как только в парк вошла – так и юности конец. По ту сторону ворот парковых – жизнь в мечтах розовых. По эту – жизнь взрослая. Без надежд и иллюзий. И жизни той последние часы отмеряны. Ладно. Пока деяний квалифицируемых означенными статьями не совершено, будет она танцевать.

А надо отметить особо: танцевать она была великая охотница и мастерица. Для танцев была рождена, для танцев сложена. И ничего кроме танцев в голове ее долго не держалось. Доводилось ей на закрытых просмотрах для привилегированных деток фильмы зарубежные, пролетариату не рекомендованные, разглядывать. И уж как высмотрит в фильме выкрутас какой танцевально-зарубежный, так всю ночь и не спит, тренируется. Финтов танцевальных она знала не меньше, чем великий Капабланка знал финтов шахматных. Каждый раз на танцевальную площадку выходила она как на свой последний и решительный бой: или перепляшет всех соперниц разом или тут же и умрет вдохновенной смертью того героя, который отдал все силы до последнего великому делу освобождения рабочего класса. Жизнь дается человеку один только раз, и прожить ее надо так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы.

Вот ей и не мучительно, ей и не больно, и годы ее не бес-

цельны. У нее цель в жизни великая. Великая и простая, и ослепительная в своей простоте: так танцевать научиться, чтоб на паркетном полу совершать плавный прыжок в три оборота! Не мечта ли!

Так она и жила, и еще пока ни разу не умирала. Зачем умирать, если на танцах всех соперниц переплясывала. А прыжок в три оборота – это придет. Обязательно придет!

Хорошо ей жилось в ритме вальса, в дрожании заморского перепляса. Но танцы ее и сгубили. Доплясалась. Что делать в такой ситуации? Ничего и не оставалось: только плясать. Правильно сказано: помирать, так с музыкой.

Музыка в конотопском парке как везде у нас: Утесов да Шульженко. И еще вальсы старинные: волны то амурские, то дунайские, или сопки маньчжурские.

Нарасхват девочка. Никому не отказывает. Пляшет как чертик заводной. Если бы музыка не останавливалась, то и она бы продолжала, а так прерываться иногда приходится. Эх, быть бы ей звездой эстрады, подпевать бы великим певцам, пританцовывая. Так бы оно и было, не попади она в тот вечер на конотопскую площадку. С того вечера пошел ее жизненный перепляс другим руслом.

Мимо эстрад.

2

Гремит оркестр. Хорошо ей в музыке. Все страхи забыла.

Замотала десяток кавалеров до одышки, до зеленых чертиков в глазах. Больше ее никто не приглашает. Что ж, она и сама умеет. Одна. Всем на удивление. И поверьте слову, танцы ее изумления достойны. Где-то рядом в черных кустах морду кому-то бьют. Долго бьют. Утомительно. И стон оттуда, и всхлипы жалобные. И орет кто-то страшным голосом, и посвист молодецкий из темноты новый мордобой возвещает. И мусора́ буревестниками над парком реют. Мусор – это старинный термин. Дореволюционный.

МУС – это Московский уголовный сыск. Сначала одних только московских сыскарей мусорами звали. Потом – и всех остальных, не только московских. После революции слова «сыск», «сыщик» как-то неприлично стали звучать. Неблаговучно. Потому «сыск» на «розыск» сменили. А мусора остались. Вот они-то в конотопский парк крикливым вороньем и слетаются.

Если появились, так это к буре. Буря! Скоро грянет буря!
И грянула.

Разразилась драка, какая бывает только у нас в Союзе, только у танцплощадки в центральном парке провинциального городишки.

Вначале вроде порыв ветра мордобойного над толпою просвистел, попригнул кой-кого, попримял. И стихло. И тут же гроыхнула драка ураганным посвистом. Сверкнули ножи тысячей молний, взметнулись над головами колья да оглобли, хрустнули черепа орехами кокосовыми, зазве-

нел парк бутылками битыми. Хороша бутылка пол-литровая недопитая для ударов об голову. И не жаль, что разбивается на чужой голове. Даже недопитого – и того не жаль. То есть жаль, конечно. Но не очень. Водка – это почти спирт. Разливаясь по битой голове, по стеклам, в череп влипшим, водка раны стерилизует. Водка – и антисептик, и анестетик. Народная медицина, так сказать. Так что, разбивая бутылку о голову ближнего, помни: в бутылке еще должно булькать. А бить человека по голове пустой бутылкой, прямо скажем, варварство. У нашего доброго народа так не принято.

Разбивать бутылку недопитую об чужую голову и тем хорошо, что, разбиваясь, оставляет она в руке бьющего инструмент колюще-режущий. Им-то и в морду пырнуть можно. И пыряют. И бритвами морды режут. И глотки. И велосипедными спицами отточенными, как шпагами, бьют в глаза, и в животы, и в задницы, и туда, куда и не следовало бы. Заостренная спица велосипедного колеса – в народе «пика» – кажется сторонним наблюдателям оружием жутким. Но эта самая пика свидетельствует в пользу моего великого народа. В пользу его благородных наклонностей. Уж не о рыцарских ли традициях мушкетеров она напоминает?

Одна девочка на танцплощадке осталась. Знай себе выплясывает. Никого вокруг. А ей дела нет. Ревет драка ураганом. И вальс над парком: «Краси-и-ива Аму-ура волна...»

Вдруг остановилась она. Опомнилась. Остановилась, потому как рев драки рев музыки заглушил, а без музыки танцевать – это вроде как... Сами понимаете.

Метнула взгляд на большие часы на башне, обомлела: без минуты полночь. Домой пора. Вырвалась с площадки, и один ей путь: по аллее к выходу. А там самый центр побоища. Не пробьешься. А если пробьешься – у ворот мусоров-буревестников косяк, палками резиновыми смирение в народ вбивают. Так что девочка наша рванула бы к воротам, да уж больно буревестники старательны, машут дубьем, вроде ковры кремлевские перед историческим съездом родной партии выколачивают.

Нет, туда путь заказан. Потому – в кусты, в темь непроглядную. После прожекторов в глазах круги – ничего не видеть. Но она как мышь крылатая в темноте юбкой шуршит, на препятствия не нарываясь. Одна из очень давних ее предшественниц точно в такой же ситуации, убегая в полночь, потеряла хрустальный башмачок. История про башмачок, какой бы сказочной ни казалась, является чистой правдой. Древнее предание полностью подтвердилось современным опытом. Наша девочка, убегая, тотчас же туфлю потеряла левую, а на правой каблук обломала. Оно и к лучшему: без каблуков скорость выше.

Надо отдать должное и танцевальной выучке. У нас танцы современные десятилетиями порицались: мол, трата энергии молодежной. Мол, нет бы им, плясунам, энергию ту в дело потребить. Повернуть бы, к примеру, северные реки к южным берегам, заставив их течь вспять. Ан нет. Кобелируют и скачут кобылицами. В суждении таком есть резон. Но надо заступиться и за танцы. Хребтом виляние, задом колыхание и ногами выбрыкивание имеют и положительное влияние на молодой растущий организм: укрепляются мышцы ног и спины, плечевого и тазобедренного поясов, улучшается кровообращение, работа сердца и легких. Так что, если по ночному непролазному парку сверкать пятками, обходя крутыми виражами дерущихся, лучше сверкать пятками тренированными.

Вот и стена кирпичная. И деревьев у стены предостаточно. Белочкой амурской, маргышкой древесной, влетела она по стволу к гребню стены. Напоследок двинула туфлю обломанной, но все еще остроконечной, кому-то, схватить ее пытавшемуся. Двинула туда, где ноги сходятся.

Попала.

Точно говорю, что попала, ибо визг ответный тому свидетельством. И опять доброе слово танцам скажу: регулярная тренировка в танцевальном кружке или в студии хореографической повышает точность движений. Вот если бы не тренировалась бы она, не плясала бы каждый день до упаду, то, глядишь, и не попала бы. А так, хлесть – и в яблочко.

Перемахнула забор. С высоты с самой – бубух на дорогу, да в домик к себе! А дед Макар слышит шум сражения и воображение его страшные ужасы рисует. С ружьем дед караулит, и пес с цепей спущен. Но знает старый, что уж внученьки ему не увидеть. Не сберег, не усмотрел. Попасть в лапы шпане конотопской – то же самое, что попасть в чистые, теплые, добрые руки родной советской власти.

Тут-то она и прыгнула с забора почти рядом, да как мышка в норочку – юрк. А за стеною кирпичной – вопль. Вроде кого по самым нежным местам чем-то острым тяпнули.

– Дед, у тебя револьвер-то есть? – личико у самой счастьем светится.

– Такого не держим-с.

– Врешь, дед! Ты же надеешься дожить до момента, когда эту власть резать будут. Что ж, у тебя на тот случай даже револьвера нет?

– Ружьишком обойдусь.

– Врешь, дед!

– Револьвер – баловство. Если ружьишка не хватит, так я их пулеметом.

– Ну вот, заговорил. Пулемет. С пулеметом мне завтра на танцы несподручно. Но дай мне пулемет, я как-нибудь с пулеметом.

– Нет, девка, с пулеметом тебя завтра повяжут, пулемет отнимут, а мне что останется? Всю жизнь жду... Как же я тогда без пулемета? Иди спать.

Забралась она на чердак, расстелила на сене душистом одеяло, укрылась другим, лежит, в темноту смотрит. Завтра на танцы она идет. Это решено. Как славно под «Амурские волны» выплясывать. Как очаровательно быть центром внимания в этой милой провинции, где нравы столь первобытно просты и не искажены притворством. А пулемет бы в кустах заранее спрятать. Чуть что – вжик их всех из пулемета, и дальше пляши. Чертов дед, где же он пулемет прячет? Весь сад перерой – не найдешь. Уж прятал так, чтоб и чекисты не нашли. Понятно, что ей и пытаться нечего тот пулемет искать. Хрыч старый, сам на танцах не пляшет и людям пулемета не дает.

Покрутилась-покрутилась – не спится. Встала, свет засветила. Хорошо на чердаке. Жаль, луны в окне нет. Ночи почти сентябрьские. Вызвездило небо, а по низам темнотища. Книжку бы какую почитать. Чердак у деда всяким добром завален. Есть тут и книжки. Правда, малоинтересные: какой-то Гудериан, «Внимание, танки!», опять же Гудериан, «Танки – вперед!», Москва, Воениздат, 1935 год. Или вот совсем новенький «Полевой устав РККА 1936 года». ПУ-36. И на черта конотопскому деду Гудериан? И что он в ПУ-36 вычитать может?

С другой стороны, почему бы и не почитать? Вот зависти будет у соперниц, когда в тесном кругу друзей на память ПУ-36 перескажет!

Ночь к рассвету, а она страницами шелестит. Занимательная книженция. Уж под утро загрохотал дед железяками во дворе, перекинулся шуткой с подкатившим шофером, и унесло деда по его делам, которые нам совсем не интересны. Тогда и решила она пулемет искать.

Искала – не нашла. А жаль. И вопрос на повестке дня: что делать? Ах как поплясать вечером хочется. Хоть бы три часика, не больше. Ну хоть часок! Хоть танец один, самый-самый пристойный. Ну хоть бы одним глазочком на танцы глянуть. А возвращаться как? Без пулемета? Хорошо, вчера драка выручила. Можно надеяться и сегодня на драку. Но если нет, тогда как? Ведь бывают же исключительные дни, когда в конотопском парке драки нет. Что если такой день и выпадет?

Осмотрела весь чердак в поисках чего-нибудь, что пулемету заменой могло бы служить. Добра, повторюсь, на чердаке том предостаточно. Вот, к примеру, старинные часы-ходики. Чем не оружие! Лежат часы в пыли, кукушечка вся давно проржавела и в домике ее паук-кровосос поселился. Не кукует больше кукушечка: знать, паук-злодей всю ее кровушку вылакал. Знакомая тактика – многие так поступают: написал донос на соседа и отправил его куда следует. Постучат ночью товарищи, шею соседу свернут, а домик свободен,

забирайся туда, как паук-мухоед.

Впрочем, кукушкино гнездышко нашу девочку мало занимало. Гирька на цепочке – вот что интересно. Расклепала цепочку щипчиками. Взвесила гирьку в руке – свинец литой. Граммов на четыреста тянет. Прикинула, как гирька на цепочке смотрится. Красиво смотрится. А вот если не цепочку, а тот ремешок кожаный сыромятный в ушко продеть? Помяла ремешок, в масле подсолнечном вымочила, еще размяла, высушила, в ушко свинцовой гирьки продела, двумя узелками прихватила. Покрутила гирьку на ремешке, вспомнила знаменитых гимнасток, которые со скакалочками и прочими штуками на ковре выплясывают под гром аплодисментов. А потом вспомнила, что всю ночь не спала. Рада бы и не спать, но к вечеру ей свежей быть надо. И потому вытянулась на душистом сене, улыбнулась сама себе, да так с улыбкой и уснула. А уж солнце взошло и крышу раскалило, жара на чердаке, а в жаре самый сон непросыпный. Разбросалась, разметалась девочка в наготе очаровательной. Вот если бы в тот момент на том чердаке оказался бы какой знаменитый Гойя с кистями да с красками, увековечил бы. Но не оказалось в тот момент на чердаке ни холста, ни кистей, ни красок, ни самого Гойи, и потому мне вместо него выпало картину описывать. Но сказано: лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Как словами опишешь то, на что взирать надо? Я и не описываю. На слово верьте – было на что посмотреть.

Она спала глубоко и спокойно. Снился ей старый добрый британский ручной пулемет. «Льюис». 1914-го года.

47 патронов в диске... В Гражданскую войну вон их сколько навезли. Не все ведь погибли. Не все конфискованы. Народ у нас бережливый. Не пропадать же добру... Кто-то где-то прячет... а как найти?

А еще снился ей конотопский парк. И танцы. И музыку слышала во сне. Вальс. «Дунайские волны».

Счастлив тот, кто музыку во сне слышит.

Испугалась: не проспала ли танцы? Встряхнулась-встрепенулась, из липкой неспросыпной тьмы вырвалась в явь чердачную. Видит: солнце к закату. Слышит: за стеной кирпичной танго точно труба фабричная ревет, пролетариев вроде на дела праведные созывает. Схватила она и давай умываться-причесываться. Час только и прошел. Ну, если не час, то от силы полтора часа, а она уж и готова. В лучшем виде: чулки черные, юбка черная, свитер легонький, черный, на шее косынка шелка азиатского. Черной не оказалось, потому синяя. Темно-синяя. На сегодня решила без каблуков. Стиль сегодня другой.

Подивился дед: штой-то ты, девка, в черном. Не на похороны ли? Смешно деду. А она и вправду на смерть в черное нарядилась: если за вечер танцев надо жизнью платить – за-

платит. Жизнь без танцев – все равно не жизнь. Кому такая жизнь нужна? Поцеловала деда в щетину колючую троекратно, сумку черную – на плечо.

И пошла.

6

Гремит парк революцией патефонной. И морды по аллеям. И мусор Васька с сигаркой. Может, со вчерашнего дня та самая сигарка на губе и прилепилась. И не поймешь: блатной в мусора суканулся или мусор под блатного хляет. Идет она парком и пока не боится. Морды все знакомые. Не старалась она морды те запоминать и клички. Но до того народ живописный: хотела бы харю звериную забыть и кличку ее, но не забудешь вовек.

Вот и Аспид. Вот и Ящер. Вот мелкая шпана шелухой вокруг: Минька Гондон, Баклан Соловьевич, Жмот Тугосисий и сопливый такой корешок белоглазый по кличке Срань Тропическая. Всех их она вчера одним взглядом схватила, в память свою каждого отдельно как букашечку в коллекцию занесла, предварительно на булавочку наколов.

Не старалась, но помнит всех и улыбается всем: привет, Аспид! Ящеру – пламенный!

Нехорошо Ящер глянул, на приветствия не ответил. Ощерились шпанистые. Ну и ладно.

Танцует она в удовольствие свое. Час, и другой, и тре-

тий. Хватились только, когда далеко за полночь прощальный вальс объявили. И опять «Амурские волны» парк качнули. Бьют людей по парку там и тут, а драки большой нет. Вот тут ей первый раз страшно стало. До того страшно, что и вальс заключительный танцевать не хочется. Вышла на аллею и, одинокая, домой пошла. Миновала ворота освещенные, во мрак окунулась. Далеко-далеко фонарик мерцает. Собака воеет. Ночь – глаза выколи. Прохладой осени дохнуло. Глаза понемногу к темноте попривыкли. Никого позади. И вроде идут. Прибавила шаг. Слышит: те тоже прибавили.

Оглядываться совсем нехорошо в такой ситуации.

Не оглядывается. Просто слышит: их – пятеро-шестеро. Хотелось бы рвануть жар-птицей в поднебесье. В страшных снах она всегда так и делала: чуть какая опасность – р-р-раз на крыльях, и улетела. Но не во сне она. И крыльев нет. А ногам своим непослушным привередливым командует, чтоб не неслись так быстро. Понимает: это как от собак бежать, побежишь – и они побегут. Только быстрее.

Миновала первый поворот, а до второго за целую вечность не доскачешь. Стенка кирпичная вдоль широченной улицы к самому горизонту невидимому подступает. По другой стороне улицы – заборы в два роста, и дома за заборами темные, мертвые, собаки за теми заборами зубищами лязгают.

Идет она и идет. Те позади ожили – шуточки, смешочки, а то как гаркнут голосищем страшным, и хохочут точно гиены

в Африке. Уж не знает она, как до угла следующего добратся. Идет-идет, а он не движется навстречу.

Наконец вырисовался угол во мраке, а те позади вроде бы отстали. Так ей хочется рвануть за угол этот желанный, уж так хочется. И момент самый подходящий: отстали. И вдруг поняла она, что в западне. Там-то за углом ее и ждут. Оттого и отстали задние, чтоб она за угол рванула, чтоб, значит, тем, кто за углом, в лапы самые угодила. И уж знает она наперед, кто там, за углом. Ящер – вот кто. Ему такую кличку за глаза змеиные немигающие дали. И блатной мусор Васька с ним. А сзади отстали – это Аспид с придворной шпаной. Они в западню ее гонят. Не наседая.

Сдавило ее голову обручем железным. Пулемет бы ей. «Льюис». Жаль, он со снаряженным магазином 17 килограммов весит. Его под полый не скроешь. Револьверчик бы самый захудалый... Но и его нет.

Дальше она повиновалась не разуму. Дальше она действовала вроде солдатика заводного: пружинка железная, а голова деревянная, не думающая. Повернула она круто назад и к тем, отставшим, навстречу пошла. Нет, не от храбрости. От страха. Туда идти – хоть знаешь, чего ждать, а как за угол кирпичный завернуть, в неизвестность жуткую?

Не поняли пятеро маневра ее. Остановились – ждут, когда подойдет.

Подошла.

– Жаль, мальчики, что вас пятеро, если бы двое-трое, так

я бы и добровольно согласилась.

– Гы, – ответили мальчики.

Звериным чутьем понимает она, что сказать надо еще что-то такое, на что они бы не лапы к ней потянули, а промычали бы: «Гы». Сказала она им такое, и ответили они дружно.

А гирька свинцовая от часов-ходиков на сыромятном ремешке уж не в сумочке, а в ладони зажата, а ремешок на кисть руки петелькой накинут. Заговорила она, а сама ладонь разжала. Скользнула гирька к ногам, на ремешке у самой земли покачивается, и не замечена никем.

– Решили, кто первым будет? Ты что ли, Аспид?

– Гы, – ответил Аспид.

Рванулась она к нему тигрицей уссурийской. Правое плечо и рука далеко позади. Падая вперед, рубанула словно топором. Руку ее чуть из плеча не вынесло. Свистнуло над нею: не то сабля, не то молния черная. Обожгло Аспида по щеке, по шее, по спине. Вроде ятаганом турецким или проводом стальным раскаленным огненным хлестнуло его, пиджак с рубахой бритвой вспоров, а сзади вроде кто в тот же момент по позвонку с ребрами кувалдой врезал. Звякнуло-булькнуло внутри. Взопил Аспид, захлебнулся: в горле вроде горячий камчатский гейзер ударил. Дернула она ту штуку на себя, ухо правое Аспиду обрывая, и вроде бы всю его тушу на себя двинув. Подкосились Аспидовы ноги, грохнулся он мордой вперед, закрутило его, заломало, машет ногами, зубами пыль дорожную куснуть норовит.

Махнула она своей не то саблею, не то черт его знает чем, а лиц-то перед нею и нет. Шарахнулись преследователи в разные стороны, словно гуси-лебеди от лисы прыгнувшей, крылами округу всполошив. Только спины в темноте. Тут она и врубила по чьей-то. Хрястнуло-треснуло в той спине. И непонятное свершилось: врезала по спине, а отдалось в ногах. Подломились оба колена разом, и тело без воплей и криков в дорогу врезалась, вроде паровоз с рельс слетел.

Отскочила она в сторону, повалилась на дорогу, замерла. Вылетают из-за угла двое.

– Аспид! Аспид! Твою мать! Где она?

Прижалась она к земле. Лежит в колее глубокой, не шелохнется. Голову косынкой накрыла. Не зря во все черное наряжалась. С понятием. Пойди заметь. Жаль, перчаток на руках нет. Ничего, руки под себя спрятать... Жаль, в кусты не прыгнула. Затаилась прямо на дороге.

– Васька, свети по кустам!

Полоснул Васька-мусор лучом по кустам, полез медведем ветки ломать: да где ж она, мать ее!

Лежит она прямо посреди дороги немощеной. Влипла в пыль, втиснулась в колею. Вот сейчас фонарик полоснет по лицу, и взвьется она коброй иранской. Тут уж бить надо на-смерть. Не через плечо. А прямо по голове. Гирькой свинцовой. На ремешке сыромятном.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.